

башлыке, повязанном по-аджарски, иногда в шляпе и большей частью с кашне.

На нашей квартире, в доме № 13, по Пушкинской улице, Сталин жил около двух месяцев, затем перешел к братьям Иллариону и Дариспану Дарахвелидзе. С ним перешел и Коция Канделаки. Дело в том, что рядом с домом, в котором мы жили, поселился околоточный надзиратель Инцкирвели. Нам такое «соседство» нисколько не улыбалось, и мы, посоветовавшись со Сталиным, решили переменить квартиру. Я переехал в Барцханы.

Мне хочется рассказать об одном интересном эпизоде. Рабочие Котрикадзе и Куридзе, увидев, что у товарища Сосо износились ботинки, решили купить ему новые. Сосо решительно отклонил их предложение.

— Подарок ваш, — сказал он, — приму тогда, когда у вас самих будет лучшая обувь.

Еще до приезда Сталина в Батум мы сумели накопить небольшой запас шрифтов, которые наборщики С. Тодрия и другие проносили в карманах. Эти шрифты нам пригодились для нашей подпольной типографии, организованной Сталиным. Части для этой типографии изготовлялись мною и Датия Ломтатидзе. Мы свозили эти части на дрогах, на которых обычно вывозили опилки с завода.

Не было ни одного события — крупного или малого — в нашей жизни того периода, в котором бы Сталин не принимал непосредственного участия. Например, помню такой случай в 1902 году: произошел пожар в лесном отделе завода Ротшильда. Тревожные гудки. Рабочие высыпали с завода. Пламя разрастается. Администрация предлагает рабочим принять участие в тушении пожара, обещая за это особое вознаграждение. Однако, после того как пожар был потушен, рабочим отказали в выдаче обещанного вознаграждения. Это вызвало волнение среди рабочих. По предложению Сталина мы настояли на своих требованиях и добились их удовлетворения. <...>

Д. ВАДАЧКОРИЯ

Батум рассказывает

Мне было четырнадцать лет, когда, гонимый нуждой, я приехал в Батум из Ланчхутского района в поисках заработка.

Девятнадцать лет я поступил на нефтеразливочный завод Манташева. Тяжело было тогда работать на заводе. С шести часов утра до восьми—десяти часов вечера продолжался наш рабочий день. Особенно донимали нас штрафы: чуть опоздаешь на работу — штраф, сделал не так — штраф, возразил мастеру — штраф. От полочки ничего не оставалось...

Некоторое разнообразие в нашу тяжелую жизнь вносила существовавшая тогда в Батуме воскресная школа. Посещая ее, мы, рабочие, могли здесь отвести душу, поговорить друг с другом о своих нуждах, не боясь быть оштрафованными. В школе же нас учили всему, кроме самого главного — как улучшить свое положение, свою тяжелую жизнь.

Вспоминаю первую встречу со Сталиным. Это было в конце ноября (числа не помню) 1901 года.

Как-то на улице я встретил Коция Канделаки. Он сказал мне, чтобы я отобрал несколько передовых рабочих и пригласил к себе домой на очень интересную беседу, которую будет проводить один студент, приехавший из Тифлиса.

На другой же день вечером моя маленькая комната была заполнена рабочими манташевского завода.

Вместе с Коция Канделаки пришел молодой человек, впоследствии оказавшийся товарищем Сталиным.

Мне сейчас живо вспоминается, о каких увлекательных вещах он говорил!

Мы, слушавшие товарища Сосо, как бы прозрели.

Он подробно и убедительно разъяснял нам, что рабочие производят все, но сами ничего не имеют, что интересы наши прямо противоположны интересам буржуазии, что никакого улучшения не будет до тех пор, пока мы, рабочие, объединившись, не свергнем царя.

Ничего подобного ни от кого мы не слыхали!

Товарищ Сталин обязал каждого из нас подобрать других надежных рабочих в кружок. Кроме того, он требовал, чтобы мы, со своей стороны, вели на заводе такие же беседы с остальными рабочими, как он с нами.

Интерес к беседам был настолько велик, что мы всегда с нетерпением ждали дня занятий кружка.

Пропаганда революционных идей среди манташевских рабочих не прошла даром. Рабочие воспрянули духом, почувст-

вовали себя сильнее, крепче и готовы были к революционному действию.

Под руководством Сталина мы организованно предъявили администрации завода весьма скромные вначале требования: отказ от ночных работ, один день еженедельного отдыха, вежливое обращение с рабочими. В ответ на эти наши требования администрация завода прибегла к репрессиям: часть рабочих уволила, кое-кого арестовала и т. д. На это мы ответили забастовкой. Не добившись ничего репрессиями, через десять дней администрация изъявила желание вступить с нами в переговоры.

Товарищ Сталин, все время руководивший нашей забастовкой, предложил нам дополнительно включить в требования следующие пункты: оплатить вынужденный прогул, вернуть рабочим всю штрафную сумму, взысканную с них, и провести прибавку зарплаты на тридцать процентов.

Сталин подбадривал рабочих, уверяя, что администрация вынуждена будет пойти на уступки. Так и случилось. Мы выиграли забастовку, одержали полную победу над капиталистом!

Этот многозначительный случай — победа рабочих над капиталистом — не остался без последствий.

Весть о победе манташевских рабочих над хозяйчиком быстро облетела все предприятия Батума. Рабочие заводов Ротшильда, Сидеридиса и других стали волноваться, предъявлять хозяйщикам политические и экономические требования.

В другой раз, на квартире у меня обсуждался вопрос об освобождении тридцати двух арестованных рабочих завода Ротшильда. Еще днем губернатор обещал демонстрации рабочих, организованной товарищем Сталиным, освободить рабочих завтра, т. е. 9 марта. Сталин, как всегда, не верил никаким обещаниям, исходившим от царских сатрапов, и потому предложил нам собраться вечером поговорить и наметить порядок действий на завтра.

Я и Георгий Мелуа говорили, что раз губернатор обещал, — он сдержит свое слово и действительно освободит рабочих.

Совершенно иного мнения был Сталин.

Он предлагал на завтра организовать еще более внушительную демонстрацию, чем это было сегодня, и силой освободить арестованных рабочих.

Я возражал против демонстрации, против насильственного освобождения арестованных, полагаясь на «честное слово» губернатора. Тогда товарищ Сталин рассердился и сказал мне:

— Ты никогда не будешь революционером!

Губернатор, вместо освобождения рабочих, встретил нас градом пуль.

Похороны жертв 9 марта товарищ Сталин использовал для еще большего разжигания ненависти рабочих масс к самодержавию. Это была грандиозная политическая демонстрация!

По поводу событий 9 марта товарищ Сталин написал прокламацию, которая сыграла большую роль в деле революционизирования не только рабочих, но также и крестьянства всей западной Грузии.

Несколько десятков лет прошло с того времени, но мы, живые свидетели бурной революционной деятельности товарища Сталина в Батуме, всегда с великой любовью вспоминаем облик любимого учителя, вождя и заботливого нашего друга.

П. Г. КУРИДЗЕ

«Солнце будет сиять для нас!»

Условия работы батумских рабочих на нефтяных предприятиях были очень тяжелыми. Мы работали по пятнадцать-шестнадцать часов в сутки, вынужденные простои не оплачивались, заработная плата была нищенской, существовала жесткая система штрафов.

Осенью 1901 года один из наших передовых революционно настроенных рабочих, Коция Канделаки, сказал мне, что из Тифлиса приехал партийный работник, пропагандист, который хочет с нами поговорить.

— Подбери наиболее надежных из своих ребят, — сказал мне Канделаки, — и устрой у себя дома собрание.

Я поговорил с товарищами, и в назначенное время в мой маленький домишко, находившийся в глухой и отдаленной части города, собралось человек тридцать рабочих.

Прихода тифлисского партийного товарища ждали с нетерпением. Раздался условленный стук, я открыл дверь, и в комнату вошел Коция Канделаки, а за ним наш гость.